

ОКСАНА ОБУХОВА

Изящно, Дорого, Смертельно

Опасные удовольствия

Оксана Обухова

Изящно, дорого, смертельно

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Обухова О. Н.

Изящно, дорого, смертельно / О. Н. Обухова —
«Центрполиграф», 2020 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-09241-0

После сложного и опасного дела частная сыщица Евдокия Землероева покинула Москву. Она обосновалась в провинциальном городе, где в свое время предотвратила криминальную войну, оказав тем самым услугу и правоохранительным органам и теневым хозяевам города. До поры до времени под покровительством и тех и других Дуся чувствовала себя в относительной безопасности. Но внезапно вокруг нее стали происходить события, которые говорили о том, что кто-то целенаправленно разрушает ее бизнес, изолирует от нее не только друзей и сотрудников, но и покровителей. Необходимо было выяснить, кто ненавидит девушку так сильно, чтобы не просто убить ее, но уничтожить, заставив мучиться?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09241-0

© Обухова О. Н., 2020
© Центрполиграф, 2020

Оксана Обухова

Изящно, дорого, смертельно

© Обухова О.Н., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

– Это она, она!

Раскрасневшаяся тетка в сбитой набок вязаной шапке хваталась за рукав следователя и указывала пальцем на появившуюся во дворе Евдокию.

Дуся в тот момент огибала «газель» с надписью «Криминалистическая лаборатория» на борту. Оглядываться, проверяя, на нее ль направлен перст, надобности никакой – вскипающей, как паровой утюг, Ларисе Игоревне сыщица-москвичка давно поперек горла.

Мстительно сощуриль злующие глаза, теща Нифаси треснула по плечу мужика с погонами капитана юстиции – мол, что застыл, хватай ее, хватай! Следователь от могучего тычка качнулся и угодил ботинком в мелкую лужу, присыпанную опавшими листьями. Брезгливо отряхивая мысок ботинка от воды, тоскливо поморщился.

У Евдокии создалось впечатление, будто угодивший в лужу капитан заподозрил дурное предзнаменование.

И по большому счету она знала почему.

За полтора часа до этого

За двадцать восемь прожитых лет Евдокия Землероева никогда не испытывала такого жгучего желания кого-либо пристукнуть по столь ничтожному поводу. Нервно стискивая руль БМВ, она мчалась по разбитой дороге от дома Нифаси; автомобиль порывкивал и прыгал на колдобинах – раздражение никак не унималось. Сыщица сбавила скорость, лишь заметив, что может окатить водой отскочившего на обочину мальчишку.

Вспомнила Василину и снова чертыхнулась: «Черт!.. Барби недоделанная!»

За последние дни на Евдокию навалилась такая исключительная куча дряни, что Васькин выверт – пригласить для разговора, а самой отсутствовать, не отзываться на звонки! – стал символической последней каплей.

Причем была бы та еще приятной особой. Понятно, всякое бывает – срочно вызвали из дома, а телефон забыла...

– Да на кой ляд она сдалась кому-то *срочно!* – вслух просипела Евдокия. – Красота неопи-суемая... без капли мозга...

Спасаясь от черных мыслей, владелица детективного агентства «Сфинкс» врубил маг-нитолу; из динамиков пролились оптимистические звуки «Весны» Вивальди, и желание при-бить жену Нифаси несколько остыло.

Поразмыслив, Евдокия решительно повернула колеса БМВ в сторону фитнес-центра – направилась сжигать остатки негодования вместе с лишними калориями.

На беговой дорожке, в привычном ритме бега, попыталась систематизировать мысли: в чем, собственно, смысл сегодняшнего демарша Василины? Та хоть и дура душой, но пони-мать должна: выбрала не самое подходящее время для напускной таинственности и секретных разговоров с начальницей мужа. Дуся, конечно, шеф душевный, но холку Нифасе обязательно намылит за напрасный вызов от его никчемной благоверной.

А никчемной Василину она признала с первого же взгляда – невероятная краса-вица-блондинка с замашками звезды бандитского района напомнила Евдокии хищного (все-ядного) карасика. Поблескивающего чешуей свадебного платья в пайетках.

Тучная мамаша Васьки, Лариса Игоревна, карася напоминала мало. Пустив слезу, она безостановочно булькала под ухом сыщицы, посаженной за столик новобрачных: «Самое дорогое тебе, Саша, отдаю... кровиночку свою ненаглядную!»

А «ненаглядная кровиночка» едва в обморок не грохнулась, когда молодожен Нифася на свадьбе заявил, что ради раскрасавицы жены завязывает с мелкобандитским прошлым и переходит на работу в детективное агентство Евдокии Землероевой: «У меня теперь типа семья...»

Семья, на взгляд начальницы, так «типа» и осталась. Василина наметила в мужья шибко приподнявшегося в авторитете Сашу, а получила, на ее взгляд, мальчика на побегушках у приезжей Дуси.

Облом.

Прошло уже полтора года, но Евдокия так и не смогла уговорить себя хоть в чем-то, хоть чуть-чуть симпатизировать жене Нифаси. Та, правда, пыталась подружиться, на посиделки приглашала. Но каждый раз ее беседа неуклонно утекала в прошлое «как мы с Нифасей раньше зажигали». И Евдокия начинала чувствовать себя неловко: вроде как ее молитвами муж Василины стал высокооплачиваемым частным сыщиком, – Нифася был костяком агентства, правой и левой рукой Евдокии, – а не авторитетным крышевателем ларьков и прочей чепухи.

Но стоит признать, в последнее время Василина несколько поутихла. Начала проявлять интерес к работе мужа, однажды попросила и ее привлечь...

«Так, может быть, она? – обтираясь после душа полотенцем, прикидывала набегавшаяся на тренажере сыщица. – Васька нагадила агентству?»

Нет, пожалуй. Мнению сисадмина Люси можно доверять: украсть информацию с электронного носителя у Василины мозгов не хватит. Людмила базу защищает, а Васькин потолок – лайкнуть в Интернете новую фотку Бузовой.

И все же... если вспомнить, что Нифася заезжал домой с фотоаппаратом, на котором были снимки шалуна Нефедова...

Хотя, в чем смысл? Зачем выбирать из множества дел «Сфинкса» наиболее вонючее и ссорить сыщиков с заказчиком? Денежного интереса тут быть не может, если только нервы помотать...

Зачем все это?! Шалуна Нефедова отдала сфинксам в разработку родимая жена. Нифася привычно «приделал ноги» за рыхлым бизнесменом в приличных годах, отследил его секретную норку и умудрился сделать десяток фотографий, на коих дядя тискает девчонку-малолетку.

И что смешно, Людмила пробилла эту девочку по базам и выяснила: той – невзирая на банты и гольфы – полных восемнадцать лет. И пробы давно ставить негде. Проказнику Нефедову «малолетку» подкинула хитрая мамка недешевого борделя.

Но вот когда прошло почти три месяца... фотографии «с бантами-гольфами» всплыли на телефонах заказчицы Нефедовой, ее репрессированного супруга и той самой шустрой мамки.

У ничего не понимающей Евдокии почему-то возникла ассоциация с кефиром: три месяца пакет с кефиром стоял в каком-то тихом теплом месте, созрел и неожиданно взорвался! Окотив всех вонью.

В результате чего Нефедовы пришли в агентство выражать претензии.

Дуся поинтересовалась у супругов, поступило ли им предложение выкупить снимки? Но оказалось – нет. Присланные фотографии лишь заново распалили страсти, как будто в этом и была суть – маленькая гаденькая месть.

Чуть позже в «Сфинкс» наведалься держательница притона с пухлым конвертом наличности. Намекнула, что огласка принесет урон бизнесу на «гольфиках», и попыталась купить молчание сыщиков...

Короче, дело развития не получило, но оставался краеугольный вопрос: «Откуда протек этот „кефир“?» Откуда в принципе взялись снимки, если для каждого дела используется разо-

вая карта памяти фотоаппарата, которая потом либо передается клиенту, либо, по его просьбе, уничтожается! Дубликатов сфинксы не делают – это альфа и омега порядочного сыщицкого промысла. Нифася отдает карту памяти сисадмину Люсе, та выбирает наиболее пригодные снимки, колдует над ними, корректирует... По просьбе заказчика распечатывает. На этом – все. В деле Нефедова всплыли фотографии, с которыми работали два человека – Нифася и Людмила, и каждому Евдокия абсолютно доверяла. Абсолютно!

Нифася, правда, проведя полночи за слежкой, заехал домой. Вздремнул, умылся, завтракал. Но Васька, по его словам, даже ухом не повела – равномерно сопела в две дырочки.

Могла она сделать дубликаты фотографий, пока муж спал?

В принципе – вполне. Вот только месяц назад Нифася, посмеиваясь, снова сетовал: Василина опять «куда-то не туда пальчиком нажала», и фото с пляжного отдыха потерялись в электронных дебрях ноута. То есть как цифровой шпион Васька совершенно безнадозна.

«Или, – промакивая волосы полотенцем, прикидывала Евдокия, – хитрая очень. Исползовать так ловко всех и каждого способна только крайне изощренная особа». Людмилу просит свои снимки подшаманить, перед мужем беззащитной красотой прикидывается... Удобная позиция. Навзрыд беспомощной барышне мужик пробитое колесо заменит, сумки из магазина принесет, а после колбасы нарежет и накормит...

«Завидую я, что ли?» Вздохнув, Евдокия потянулась к фену. Услышала перезвон колокольчиков, несущийся из сумки, – мобильный телефон зывал к общению.

– Да, Александр. – Отвечая сухо и называя Нифасю по имени, показала, что очень-очень недовольна. Была уверена, что Васька, струсив, просит оправдать свое отсутствие.

– Ты где?! – негромко рыкнул подчиненный.

– Здесь, – недоумевая, отчиталась патронесса, – в тренажерном зале...

– У нас была?! – перебил Нифася.

– Ну да. А в чем...

– Жду тебя... – вновь не дал договорить приятель, выкрикнул: – Черт!! – И в трубке раздалось шуршание и сразу гудки отбоя.

Евдокия наспех просушила волосы, оделась и поскакала к выходу из фитнес-центра.

Минут пятнадцать потратила, разыскивая хозяйку желтого «фольксвагена», поставленного сикось-накось и запершего ее БМВ. Потом вполне по-мужски обругала появившуюся неумеху и помчалась к дому Нифаси.

Где на нее и указала пальцем мама Василины, безусловно намекая, что Евдокию Землероеву нужно взять под стражу и заковать в наручники.

В которых уже стоял ее зять Нифася.

...Евдокия мрачно разглядывала собравшееся во дворе общество: раздосадованного капитана юстиции, «вскипевший паровой утюг» Ларису Игоревну, озябших полицейских с поднятыми воротниками и криминалиста, отработывавшего крыльцо частного дома с небольшой мансардой.

За спиной сыщицы, в воротах, собиралась толпа зевак-соседей.

Картина получалась однозначной и пугающей. Нифасю с двух сторон подпирали полицейские, на присыпанную разноцветными листьями плиточную площадку падал мелкий, мерзкий дождь. Главный помощник Евдокии смотрел на нее, как на чужую. Или был в ступоре. Замер, не обращая внимания на вымокшую на груди рубашку под расстегнутой косухой, утыкал взгляд в начальницу, но словно бы ее не видел. Далекий был какой-то, отчужденный.

Евдокия сделала шаг к Нифасе. Один из полицейских преградил дорогу, и сыщица сменила направление: без разрешения следователя поговорить с задержанным ей все равно не позволят.

Но капитан был занят, давал поручение оперативникам – найти поблизости ворота с камерами наблюдения.

– Через три дома отсюда камера есть, – привлекла к себе внимание Землероева. – И две в начале улицы, налево.

– А вы, собственно, кто? – буркнул следователь, но поглядел не на Евдокию, а на Ларису Игоревну, которую бережно, под руки, вели к подъехавшей карете скорой помощи сочувственно горестные соседки.

Дуся достала из кармана удостоверение частного детектива, отрекомендовалась начальницей Александра Дмитриевича Кузнецова. И понимая, что ее машину найдут на съемке с камер наблюдения, добавила:

– Сегодня я здесь была. Приехала ровно в семь вечера. Василина мне не открыла, через пять минут я уехала. – Предвосхищая следующие вопросы, достала из кармана мобильный телефон и нашла в нем перечень последних звонков. – Василина позвонила мне примерно в шесть. Вот, видите? – нашла в памяти телефона нужный вызов. – Пригласила в гости для разговора. Я приехала и, когда она мне не открыла, дважды позвонила ей сама.

– Василина ваша близкая подруга? – мельком глянув на смартфон, поинтересовался капитан.

– Скорее нет, чем да.

– Вы знаете, зачем она вас вызвала?

– Нет. Предположила, что Василина знает, кто подстроил пакость нашему агентству. Несколько дней назад кто-то слил на сторону служебную информацию, получился небольшой скандал, а Василина сегодня разговаривала странно, непривычно...

– Конкретно – как? – перебил капитан.

Дусе очень хотелось ответить, что она издавна считает Ваську экзальтированной дурой, в манере коей напустить туману и преувеличить собственную значимость. Но вид усаживающейся в «скорую» Ларисы Игоревны и закованный Нифася подкинули ей предположение: о Василине либо хорошо, либо никак. После ограбления или кражи хозяина дома не наряжают в стальные браслеты.

– Сегодня она говорила очень холодно. А обычная ее манера – щебетать и томно сюсюкать. Представляете?

– Примерно. Вы подозревали в краже информации мужа Кузнецовой или ее саму?

Отвечая на второй вопрос, пришлось бы позабыть об «все или ничего», и Евдокия предпочла ответить только на первый:

– Саше я доверяю совершенно.

– А Василине, значит...

– А Василина не имеет отношения к нашей работе. Ее убили? – Сыщица не собиралась долго прикидываться тугодумом.

Капитан прищурился:

– С чего вы сделали такой вывод?

– Неумение делать выводы из данных – профнепригодность в моем случае.

– Согласен. Так, говорите, вы не были подругой Кузнецовой?

– Нет. Она жена моего друга и работника.

– Кхм... Друга, значит. Вы испытывали неприязнь к Кузнецовой?

Сыщица криво усмехнулась:

– Вы сделали вывод из моих слов или реакции на меня Ларисы Игоревны?

– Все вместе.

Немудрено. Ларисе Игоревне по большому счету совершенно наплевать, чем и как зарабатывает ее зять – крышует, подворовывает или за неверными супругами следит. Лишь бы дом ее дочери был полная чаша. Но вот тесная дружба с начальницей – пришлой образованной москвичкой – наводила на размышления: а ну как удерет от ее безработной кровиночки зажиточный и поворотливый Нифася? Зудела мама Лара поначалу, настраивала дочь.

Но после того как зять подарил кровиночке горстку бриллиантовых колец-сережек и шубку, приумолкла. Хотя и продолжала смотреть на Евдокию настороженно, как на готовую усесться на пирожное осу.

Обдумывая ответ, сыщица глянула на опустевший двор: криминалист, закончив с замками и крыльцом, переместился в дом. За ним безразличного Нифасю и замерзших понятых увели.

– Я не могу винить Ларису Игоревну в предвзятости. Александр много времени проводит на работе, она переживала за брак дочери...

– Подозревала, что у вас есть связь? – Следователя поторапливали служебные обязанности, и он нетерпеливо бил в конкретику.

– Да. – Евдокия поморщилась, но перестала отвечать уклончиво: – Лариса Игоревна меня не выносит. Считает, я занимаю слишком много места в жизни ее зятя. А относительно производственного романа Лариса Игоревна ошибается. Мы только друзья. Я могу узнать, как погибла Василина?

– Ей разбили голову каминной кочергой.

Следователь развернулся и пошагал к крыльцу. Евдокия бросилась вдогонку:

– Разрешите мне поговорить с Нифа... с Александром!

Голова в намокшей фуражке категорически мотнулась – нет. Капитан исчез за входной дверью дома.

Дуся осталась во дворе практически одна. Возле «газели» покуривал мужчина, вероятно, шофер. Важный молоденький сержант сдерживал зевак в воротах.

Подняв лицо к черному небу, подставляя горячие щеки мелкой мороси, Евдокия удержалась от желания завывать. Опустила голову и стянула зубами тонкую автомобильную перчатку с правой руки; разблокировав смартфон, набрала номер адвоката Георгия Яковлевича.

Этот приличный дядька когда-то, на благодушном ужине, где праздновали успешное завершение судебного процесса, попросил Евдокию называть его запросто – дядя Жора. (Сфинксы тогда, помнится, шибко расстарались, добывая информацию для защитника.) Но вот сейчас Рылевский не отозвался. Пришлось набирать ему послание с просьбой немедленно перезвонить: возникла срочная необходимость в его исключительном профессионализме.

Закончив с тем, что важно, сыщица горько вздохнула и пожалела, что рядом нет Олега Паршина.

В Н-ск Евдокия приехала два года назад. По сути дела – прятаться. После того как ее трудами получилось накрыть разветвленную криминальную группировку (именующую себя не без черного юмора Синдикат Великих Киллеров – СВК), сыщице настойчиво предлагали вступить в программу по защите свидетелей. Но после дело повернули так, будто Евдокия Землероева вроде бы и ни при чем – СВК с потрохами сдал их конкурент Зураб, а Дуся только рядом проходила. На закрытом судебном заседании она не засветилась ни личиком, ни фамилией.

Но все же это получилось «после», а поначалу было очень страшно. Заказчица расследования, благодаря которому у детективов Паршина и Землероевой сошлись дорожки с СВК, так щедро оплатила их работу, что сыщики могли до конца дней своих менять отели на теплых островах и жить безбедно. Но Олег остался в Москве и продолжил сыщицкую деятельность, а Евдокия... умотала в Н-ск. Чего ей присоветовал мудрый шпион на пенсии Шаповалов, прежде познакомивший Дусю с тутошним семейством «в больших погонах» – Муромцевыми. Старший Муромец руководил ГУВД Н-ска, младший его брат командовал таможней огромного речного порта. Солидные товарищи.

А были еще воры. С которыми у Шаповалова и Дуси наладился контакт. После некоторых событий н-ский криминалитет порядком зауважал пожилого диверсанта и дееспособную девчонку-сыщицу.

В результате чего Шаповалов, крепко поразмыслив, выдвинул: «В Москве, Дусенция, тебя пришлепнут – не заметишь. А Н-ск – чужая территория, там вначале нужно все разведать. И к кому там недобитки из СВК обратятся за помощью и информацией?.. К ментам или уркам, где у нас все схвачено. Если что-то возле тебя зашевелится – стукнут либо тем, либо другим. В Москве так не получится. Согласна?»

Евдокия, крепко поразмыслив, согласилась. Тем более что лучшая подруга Ангелина уже поменяла столицу на провинциальный Н-ск. Череда событий так накрепко связала Дусю с этим городом, что даже Линке здесь перепало далеко не кое-что – Синицына нашла в Н-ске замечательного мужа Сережу и сынишку родила.

Полгода Евдокия провела в областном центре тише воды ниже травы. Оглядывалась поминутно. Потом к ней обратился с предложением предводитель портовых криминальных деятелей Костя Семинарист и попросил тихонько расследовать ряд странных происшествий в городке неподалеку. Внедриться на один завод. Мол, Дусю там никто не знает.

Спасаясь от противных мыслей, Евдокия просьбу выполнила, все расследовала, выступила на пять с плюсом. После чего предложения посыпались на столичную сыщицу одно за другим, что, в общем-то, понятно: Евдокия здесь чужая, привязанностей в Н-ске не имеет и никому ничего не должна. Купить ее, что немаловажно, тяжело, поскольку уже заработала достаточно даже по московским меркам.

Евдокия получила лицензию на частную сыщицкую деятельность и привлекла к работе Нифасю, поскольку у того в Н-ске как раз все связано-повязано, а без информированного человека в принципе бесполезно затевать подобный бизнес.

И вот Нифася – влип.

Как? Почему?.. И в чем причина его дикой отстраненности?! Почему он смотрел на подругу-начальницу, как на чужого человека?! Так, словно это не Дуся примчалась по его звонку, а незнакомая девица без зонтика стоит и мокнет под дождем за здорово живешь.

От ворот раздалось своеобразное начальственное «кряканье» автомобильного гудка. Дуся вяло повернула личико на звук: зеваки расступались под напором бампера черной представительской машины.

Евдокия сразу поняла, кто из нее появится. И не ошиблась: на мокрые плиты двора из автомобильного салона спускались ноги Максима Ильича Муромцева – шефа ГУВД. Полчаса назад, увидев, как скисло лицо следователя, сыщица догадалась, что тот ее узнал. Несколько лет назад фото Дуси Землероевой имелось здесь у каждого постового, ее разыскивали всем составом и навряд ли позабыли. Понятно было, почему капитан не обрадовался ее появлению.

И Муромцева кто-то информировал, получается.

Евдокия зябко съежилась. Полковник Муромцев, чем-то напоминающий Мюллера из «Семнадцати мгновений», молодецкато перепрыгнул единственную лужу, в которую угодил следователь. («Может, знак, а?» – чуть воодушевилась понурая сыщица.) Подошел к приятельнице и, поздоровавшись кивком, спросил:

– Давно здесь?

– Полчаса. Нифасю... Сашу задержали.

– Уже? – Максим Ильич присобрал подбородок, задумчиво выпятив нижнюю губу. – Я сейчас, – сказал и направился к дому, куда замерзшую сыщицу и не подумал пригласить.

Дуся поправила шапку на плохо просушенной голове, уныло обругала себя: теплее надо одеваться, в куртку с капюшоном! Привыкла, понимаешь ли, к прогретой машине... теперь терпи, на улице середина ноября, не май месяц. Автомобильные перчатки из тонкой лайки далеко не варежки.

Оглянулась на тепло одетых местных жителей, явившихся из домов поблизости поглазеть на полицейских. Завистливо вздохнула: и что им не сидится перед телевизором? С чашкой чая, в теплых носках. Она б сейчас...

Что? Что б она сейчас? Смотрела сериал, жевала бутерброд?

Никто не заставлял ее забыть университетский диплом, менять непыльный бухгалтерский заработок на слезки-нервотрепки. Друзей туда же, кстати, втягивать.

Терпи теперь. Зубами клацай под дождем.

Хотела драйва – получай сполна!

Эх, жизнь моя жестянка...

Когда Дуся совсем закоченела, из дома наконец-то показался хмурый Муромец. Знаком показал следовать за ним, раскрыл заднюю дверцу служебной машины и пригласил садиться. Личного шофера деликатно выставил.

О том, что начальника местной полиции столичные коллеги оповестили о том, *какая* свидетельница поселилась в его городе, Евдокия давно знала. Москвичи просили Ильича приглядывать за строптивой сыщицей, отказавшейся вступить в программу по защите свидетелей. (Сберечь хотя бы до суда над членами СВК, но это в скобках – уныло-ерническое подозрение, лишенное всяческого основания.)

Усевшись рядом с Евдокией, Муромцев достал из кармана фляжку и протянул ее сыщице:

– Хлебни. Нос совсем синий.

Дуся послушно взяла негнушимися пальцами фляжку, отхлебнула коньяку из горлышка. Максим Ильич выдержал паузу и поинтересовался:

– Ты, говорят, была здесь на момент убийства.

– Если Василину убили в семь, то да. Торчала у ворот.

– Что думаешь? Наезды на твое агентство были?

– Чтобы убить за это жену сотрудника? Нет.

– Но внутреннюю информацию кто-то сливал.

– Слил. По одному делу, и то пустяшному. В смысле мести – визга много, шерсти мало. Нифася что говорит? Где он был?

Полковник хмыкнул: привычки отвечать на вопросы подозреваемых у него отродясь не водилось. А то, что Евдокию можно смело относить к подозреваемым, это к бабушке не ходи. Если б капитан не узнал Евдокию, то обязательно задержал бы. Начальница мужа убиенной Василины в семь вечера крутилась возле дома, а его теща пальцем тыкала: «Это она, она!»

– Твой друг утверждает, что ему на семь назначили встречу в парке «текстильщиков», но человек не пришел. Александр приехал сюда через противоположный конец улицы, где, сам сказал, нет ни одной камеры на воротах...

Понятно. «Цивилизация» действительно заканчивалась через десяток метров от ворот Нифаси. Начало длинной улицы на окраине Н-ска, где стоят недешевые дома, прилично заасфальтировали, дальше начиналась типичная деревня. Но поскольку разворачиваться на узкой улочке непросто, многие предпочитали делать крюк по разбитой дороге и возвращались к центру города через окружную дорожку с редкими фонарями. Дорога эта, кстати, шла к парку «текстильщиков». Ясно, почему Нифася, собравшись на некую встречу, проехал там.

Но доказать это будет сложно, на третьесортной улице нет ни одной камеры ГИБДД. И если Нифася сказал правду, то заманили его туда ловко, зная местные реалии...

Черт. Откуда взялось «если»? Нифася сказал правду: он поехал на какую-то встречу...

«Какую-то». Еще одна заминка. Почему не сообщил о ней начальнице? Ведь было оговорено: Евдокия должна знать о любых встречах и мероприятиях своих сотрудников!

Если только они не касаются личного, или... Сашка вновь не встрял в какие-то старые делишки. Потому и встретил начальницу так, словно они вовсе не знакомы...

– Дусь, ты меня слышишь? – вклинился в размышления голос Муромцева. – Что скажешь о Ковалевой?

Евдокия поправила шапку. Подумала.

– Из достоверных личных впечатлений, пожалуй, только штамп: с истинно женским талантом она могла сочинить из ничего салат, скандал и украшение. А как жена вполне устраивала Сашу... Да нет, Максим Ильич, Сашка ее любил! Баловал! Он ведь срок из-за Василины получил, подрался на дискотеке, кому-то ребра поломал и загремел. А Васька на суде рыдала: «Я тебя дождусь...»

– И дождалась? – перебил полковник.

– Имеете в виду, не крутила ли она хвостом три года, пока Нифася «загорал»? – Сыщица невесело усмехнулась. – Я, Максим Ильич, видела на свадьбе друзей Нифаси – конкретные ребята. Такие любой хвост открутят.

– Угу. Понятно. Почему над их воротами не работает камера наблюдения? Она ведь есть.

– Сломалась. Причем не сама камера, где-то проводку замкнуло. Нифася специалистов вызывал, но починить не получилось: камера работает недолго, потом снова поддыхает.

– Надо будет наших специалистов подогнать, – пробормотал полковник. – Пусть глянут, чего это здесь замыкает... Кто занимает вторую половину дома?

Дуся глянула на двор, разделенный невысоким штaketником, упирившимся четко в середину дома, и ответила:

– Двоюродная сестра Нифаси, Людмила.

– Ах эта... – буркнул Муромцев и, поправляя обшлаг кителя, недовольно завопил на сиденье.

Сыщице показалось, в его интонации проскользнуло нечто вроде «а я тебя предупреждал».

Полтора года назад, когда Евдокия только занималась подборкой кадров для «Сфинкса», Максим Ильич предложил ей помощь: «Ты никого здесь не знаешь, могу присоветовать толковых парней», но Дуся отказалась. Она уже обсудила с Нифасей рабочую политику: незачем штат раздувать, если для разовых поручений Саша сможет подбирать надежных ребят, то этого вполне достаточно. Бизнес еще не раскручен, глупо набирать людей, которые будут бесполезно штаны в офисе протирать.

Но вот хороший компьютерщик был необходим «Сфинксу» до зарезу! Евдокия голову ломала, как бы найти и обязательно проверить человека, Нифася здесь вроде бы не в теме...

А тот привел в офис девчонку в драных джинсах, представил двоюродной сестрой Людмилой и попросил рассмотреть ее кандидатуру.

Евдокия, как просили, прищурилась на кандидатуру с пирсингом и разноцветной шевелюрой. Девушка, перемалывая ком жвачки, стояла, индифферентно отставив ножку. Как будто наниматься ее за малиново-зеленые дреды притащили, а ей самой здесь все до фонаря.

Нифася заметно нервничал. Понимал, что сестра ведет себя неправильно, вдобавок чувствовал неловкость, мол, набирает в штат родню, разводит кумовство. Он дернул девчонку за рукав, предлагая той не портить впечатление и встать прямо...

Но его начальнице, признаться, было совершенно наплевать на подростковые замашки кандидатки – худой, высокой, похожей на костистого Нифасю. Шефа в первую очередь интересовали ее деловые качества.

Евдокия протянула Люсе фотографию подруги Ангелины и попросила разузнать о персоне максимально много.

Девчонка достала из рюкзака ноутбук. Равнодушно поинтересовалась:

– Как разузнать?

– Законно. По открытым базам данных и профилям в сетях. Даю полтора часа.

Девчонка безразлично повела плечом...

Через полтора часа Евдокия получила весомое досье на лучшую подругу, начиная с роддома, ясельной группы и далее по возрастающей. В справку попала и доблестная родня Сини-

цыной – профессора, доценты и прочий ученый люд, не только из столицы, но из всех уголков бывшего Советского Союза. Пара крепких друзей персонифицировалась.

Причем о Евдокии ни гугу. Девчонка, без сомнений, унюхала поблизости от пробиваемой персоны начальницу брата, но высвечивать ее не стала. Типа зачем? Евдокия о себе и так все знает, а отдельной просьбы не было.

Еще порадовало, что Людмила исхитрилась подобрать в досье две исключительно акцентные фотографии. Синицына пятилетней давности – тяжеловесная студентка-москвичка с настороженным язвительным взглядом. (Евдокия даже порядком удивилась: откуда выкопала-то, а?! Линка все прежние фото давным-давно подчистила!) И снимок, сделанный не более года назад: удивительно похорошевшая и похудевшая после замужества и родов Ангелина, в сногшибательном брючном костюме, из-под пиджака которого кокетливо виднеется кружевной бюстгальтер. Длинные волосы струятся по плечам, белозубая улыбка – чистый Голливуд.

Поджарой кучерявой Дусе, помнится, эта фотография подруги особенно понравилась.

Короче, отлично постаралась девочка с малиновыми дредами. Акцентные фотографии, правда, несколько отдавали маркетингом, получились как бы в стиле «до» и «после»: на первом снимке унылая пожилая тетенька, на втором – эта же повеселевшая, помолодевшая тетка после использования «нашего чудо-крема».

Но, стоит признать, Люся сделала все грамотно и деликатно. Нашла акценты и выставила их на обозрение сквозным намеком.

В общем, к удивлению Евдокии, совсем юная сестра Нифаси оказалась докой. А главное, работала, что называется, с задором, с огоньком. Едва коснулась пальцами клавиатуры, как лицо потеряло напускное наплевательство и зарозовело.

А сыщица уважала в людях это качество – любовь к тому, что делаешь.

Она попросила кандидатку оставить ее наедине с измаявшимся двоюродным братом; едва закрылась дверь, кивнула Нифасе:

– Вполне неплохо. Пускай приносит трудовую...

– Подожди, – облизнув губы, перебил друг. – Я тебе не все сказал. Позавчера Люську выперли из универа. Она какую-то базу вскрыла... – Приложил обе ладони к груди: – Из любопытства, типа на слабо!

– Какую базу? – мигом потеряв интерес к ушедшей девочке, буркнула начальница.

– Не говорит, – грустил Нифася. – Хотели уголовное дело завести, но те, чью защиту она взломала, спустили ситуацию на тормозах – им тоже шум не нужен.

– Но из института детку таки выперли.

– Угу. Этим геморрой с моей сестрицей тоже не нужен. Люська... – Нифася замаялся, подбирая слова.

– Неформал, – закончила за него Евдокия.

– Строптивая, – более точно определился родственник. – Я предлагал «заслать» в универ, сколько нужно... Она – наотрез.

– Характеризует, – пробормотала Дуся и задумчиво побарабанила пальцами по столу.

Заметив, что подруга уже не кривит губы, Нифася умоляюще воскликнул:

– Я за нее отвечаю, Дуся! зуб даю – девчонка правильная!

– Угу. – Евдокия саркастически подумала, что у нее с Нифасей несколько различные понятия о правильности поступков.

Хотя... нанимать все равно кого-то нужно. Придется брать человека со стороны, а тут брат зубы в залог ставит.

– Хорошо. Испытательный сорок – месяц. Попадется мне на чем-то, вылетит мгновенно.

– Не попадется! То есть ничего не сделает! То есть сделает все правильно!

Довольно скоро, попивая шампанское на дне рождения Терезы, жены младшего «таможенного» Муромца, Евдокия выслушивала отповедь Максима Ильича.

– Ну и команду ты себе подобрала, – брюзжал слегка подвыпивший полковник, от которого в городе ничего не укрывалось. – Со мной посоветоваться не могла? Я предлагал.

Понимая, что компания в «Сфинксе» и впрямь подобралась своеобразная – сыщица в бегах, бывший бандюган и проблемная девчонка, – Дуся каяться не стала.

– Спасибо, – поблагодарила. – Но моя команда меня вполне устраивает.

– Ну-ну...

Сейчас, поглядывая на раздосадованного полковника, Евдокия вспомнила то многозначительное «ну-ну». Но сделала вид, будто не поняла намека. Рапортовала:

– Люся еще днем предупредила, что поедет на квест, куда-то за город, и некоторое время будет вне зоны доступа.

– У Василины с сестрой мужа были разногласия?

Евдокия заметила, что Максим Ильич разглядывает дом, разделенный не только тощим забором из штaketника, но и явной разницей благосостояния владельцев: Нифасина половина обложена нарядным желтым кирпичом, вторая часть несет следы явного наплевательства к совместному жилищу – синяя краска на деревянной облицовке давно облупилась.

Тут полковник верно угадал: приглауренную жену Нифаси вызывающая разница бесила бесконечно!

А Люське хоть бы хны. Этот дом достался в равное наследство родителям Нифаси и Людмилы, которые давно разъехались – мама Люси живет у нового мужа, родители Нифаси отбыли в деревню, где помогают старенькой бабушке, отказавшейся бросать хозяйство.

По большому счету, пофигистка Люся могла неделями не встречаться с Василиной – длинный дом стоял перпендикулярно улице, имел два выхода в параллельные переулки и маленькую калитку в общем штaketнике, дорожку к которой сейчас засыпала рыхлая листва. Заметно было даже из машины, по ней никто сегодня не ходил, не приминал.

А если и прошел, а после разрыхлил листву, то на необлагороженной плитками половине Люси останутся следы на земле. Но это легко проверить, сисадмин поставила у себя пару камер, которые функционируют отлично и за двором приглядывают.

– Василина и Людмила – антиподы, – ответила сыщица на вопрос полковника. – Свели общение до минимума, но шибко не ссорились, Нифася не позволял Василине наезжать на сестру.

– Держал супругу в строгости?

Как же! Удержишь ее.

– Нет, Люся сама справилась. Напугала Ваську, что продаст свою половину цыганам и те ее быстро научат родню любить.

– Ты Кручёного давно видела?

Резкий переход от дел Нифаси к знаменитому н-скому рецидивисту заставил Евдокию удивленно развернуться корпусом к полковнику. Тот кисло покривился:

– Я знаю, что Антон приезжал к тебе в день смерти отца и ночевал. Пошли по второму кругу, да?

Ошибся главный полицейский. Не по второму, по четвертому. Избегать встреч с Антоном не получалось: муж Линки его лучший друг, встречались на семейных праздниках. Сережа даже уговаривал Ангелину сделать его приятеля вторым крестным сына, на пару с Евдокией.

Но Крученый, слава богу, отказался сам. Поскольку умный.

И стоит еще отметить, едва Муромцев упомянул ее жутковатого любовника, Евдокия почувствовала, как по телу пробежали жаркие мурашки: ух! Крученый всегда действовал на нее ошеломительно, как опытный удав на глупую мартышку: мартышка понимала, что опять сглупила, но поддавалась магнетическому обаянию... Уже четыре раза за два года.

– За мной следили или за ним? – уныло поинтересовалась.

– За ним, естественно.

Конечно. О том, что городской смотрящий Воропаев болен и вот-вот скончается, знал, вероятно, весь областной центр. На похороны вора в законе, что опять-таки понятно, слетятся законники со всей страны и из ближнего зарубежья. Полицейские не могли профукать такое событие, прослушивали пульс совсем не фигурально и за Крученым, внебрачным сыном Воропаева, приглядывали.

А тот, приняв последний вздох отца, через час у двери Евдокии оказался.

...Дуся отвернулась от Муромцева и сменила тему:

– Вы думаете, убийство Василины может быть как-то связано с последними городскими событиями?

Главный городской полицейский, что опять-таки понятно, смотрел на происшествие со своей колокольни, в глубину и в ширину. На воду повсеместно дул.

– Твои неприятности, Дуся, начались на следующий день после смерти Воропаева. Сей-час – докатились, убийство.

Евдокия фыркнула:

– Ну вы связали! Где я, где Воропаев!

– Не скажи. Вы – дружили.

Дружили – смелое преувеличение. Контакт поддерживали. Дуся несколько раз навещала Ивана Ивановича в больнице, тот, кстати, каждый раз намекал, что зря она от его сына нос воротит. Антон, мол, по ней с ума сходит...

Опять преувеличение. Крученый давно разгадал, как действует на Евдокию. Его слова «Я знаю, как тебя ко мне тянет» показались сыщице высокомерием зазнавшегося самца: куда ты, дорогуша, от меня денешься! Пальцем поманю – придешь.

Пришел, правда, он, а Дуся его пожалела. Потеряв отца, он выглядел таким пришибленным, непривычно мягким...

Ух! Хватит вспоминать.

– Я думаю, все это совпадения, Максим Ильич.

– А я имею повод думать, что каждый раз, когда вокруг тебя начинается какая-то возня, все заканчивается бардаком в этом городе! – Разошедшийся полковник поглядел на девушку, когда-то вычислившую убийцу его отца и как раз спасавшую Н-ск от кровавых разборок, запнулся. – Проехали, прости. Давай прикинем, в чем смысл наезда на твоё агентство. Я твоих дел не знаю, говори.

Сыщица развела руками:

– А нету смысла, Максим Ильич. Нету. Если бы сегодня нашли не Ваську, а меня с проломленной башкой, все могло бы получиться, как вы подозреваете: Воропаев умер, меня теперь некому защитить... а кто-то давно зуб точил...

– Нет. За тебя впишется Крученый.

Дуся немного помолчала.

– Предполагаете, что, ударив по мне, ударили как бы по нему?

– Я рассматриваю все вероятности. Крученого, Дуся, собираются «на город ставить». Утверждение пока решили отложить – некоторые авторитетные люди не смогли приехать, но...

– Подождите! Я, конечно, могу ошибаться, но смотрящим должен быть вор в законе!

– Ошибаешься маленько. Но разве ты не знаешь, что Крученого короновали? – Муромцев искренне поразился, а шокированная известием сыщица молча помотала головой. – Чудны дела Твои, Господи.

Но Дуся никаких чудес не наблюдала: Антон не из хвастливых, а Нифасе она запретила даже упоминать Крученого, хотя тот уважал последнего от всей души.

– Крученный проходил не единогласно, – продолжал полковник, – но, скорее всего, «город примет» он.

– Хотите сказать... меня могли сделать заложницей обстоятельств, чтобы заставить Антона... Нет! Мы не настолько близки, чтобы он отказывался от «поста»!

– Тебе виднее, – хмуро буркнул Муромцев. Не исключено, приехавший сюда именно для этого разговора. – Тогда, может, это привет от СВК?

– Напомню, в морге окажусь не я, а Василина. СВК незачем устраивать этот карамболь, они бы попросту меня прихлопнули.

– Вот то-то и оно. Не хочется мне бардака, Дуся. А что-то назревает. Если, конечно, это не твой Сашка жену кочергой огрел.

– Не он, – твердо заявила собеседница. – Его подставили.

– Опять-таки скажу: вот то-то и оно. Подстава – ловкая. Причем замазала вас обоих. Вначале ты приехала, крутилась. Потом он не смог алиби предъявить... Ну ничего, Кашин следователь толковый, разберется.

Евдокия догадалась, что полковник собрался уезжать.

– Я могу с Нифасей поговорить?! Пожалуйста!

Максим Ильич скроил такое лицо, что сыщица не поняла: она слишком много просит или полковник в принципе не хочет высвечивать возле влипших в серьезный криминал сфинксов и просить о чем-то Кашина. Сама дала задний ход:

– Простите за вопрос.

– Позже порешаем, – буркнул полковник. – Я тебе позвоню.

Евдокия выбралась из салона, пронаблюдала, как черная машина начальственно таранит толпу зевак. Отвернулась к дому и достала мобильный телефон – пора звонить Людмиле, сисадмин уже должна освободиться.

– Ты где? – спросила отозвавшуюся Люсю.

– За твоей спиной.

Евдокия обернулась и заметила вынырнувшие из-за фуражки важного сержанта знакомые помпоны-рожки. Сисадмин просемафорила начальнице яркой шапкой, и рожки поплыли над толпой в сторону соседнего дома.

За полтора года Дуся многим научила своих сотрудников. Прежде всего, вдолбила им: никогда не суетитесь! Не лезьте на рожон. Лучший друг сыщика – незаметность, умение сливаться с окружением и мебелью. Порой, когда тоска по малой родине наваливалась, уже подумывала: «Все. Беру последнее дело и отваливаю в Москву. Ребятишек уже можно оставлять одних». Двоюродным родственникам детективные расследования легли на сердце, и закрывать «Сфинкс» надобности нет, агентство продолжит функционировать под умелым руководством Саши.

...Сисадмин вошла в калитку соседнего двора. Дождалась начальницу.

– Тетя Маша там, – мрачно кивнула на ворота брата, – пройдем через ее огород, а дальше через Николаевых.

– Давно здесь? – скупой поинтересовалась Евдокия.

– Минут десять. Ваську убили, да?

– Угу.

– Ни фа се, – произнесла сисадмин любимый усеченный вульгаризм двоюродного брата «ни фига себе», давший ему прозвище.

– Нифасю задержали, но это, будем надеяться, обычная проформа. Он муж, он Ваську обнаружил мертвой... – Евдокия торопливо семенила вслед за Люсей по разбухшей картофельной меже. – Сейчас нам нужно сделать копию записи с твоих камер наблюдения. Подозреваю, что вскоре к тебе за ними придут и могут изъять оригинал, а нам нужно сделать дубликат и рассмотреть все вдумчиво, без спешки.

Прошив насквозь два огорода и двора, коллеги прошагали до Люсиного крыльца. Сбросив в прихожей куртки и ботинки, рассредоточились: Людмила направилась к домашнему компьютеру, Евдокия – чай заваривать. Окоченела до звона костей!

Когда внесла в комнату-кабинет две большие чашки с чаем, Люся уже вглядывалась в монитор с часовой отметкой в уголке – 19:07.

– Это я уже уехала, – усаживаясь рядом, определилась Евдокия.

Кусок двора Нифаси попадал под одну камеру сестры – малоинтересный сыщицам газон с кустами по периметру, треть плиточного пятачка, фонарь и половинка лужи. Маленько виднелся край ворот, но, к сожалению, не калитка.

– Машину Васька сегодня не выводила, – принялась рассуждать Евдокия.

– Почему так думаешь?

– Листья, – не отвлекаясь от съемки, произнесла начальница. – На них шины отпечатались бы не хуже, чем на снегу. Меня, Люся, очень интересует время – 19:58.

Именно тогда прошел звонок от Нифаси. Друг рыкнул на начальницу, чуть позже выругался и оборвал связь. Представить сложно, что выругался он на Василину, после чего огрел ее каминной кочергой. Но причину вопля «черт!» хотелось бы понять. Интонация была такой, словно Нифаса реального черта увидел.

Как оказалось, он упомянул его при виде тещи. Край синтепонового пальто Ларисы Игоревны мелькнул на съемке, когда та обходила лужу.

– Стоп! – попросила Дуся. – Делаем паузу и думаем: что мы имеем?

Сисадмин отъехала от стола на кресле с роликами и развернулась. Все друзья Евдокии отлично знали, что, принимаясь рассуждать, та ходит. Наматывает круги по комнате, так как у сидящей сыщицы мозг отказывается думать.

Евдокия забродила по ковру. Завращалась по квадратной комнате, где половина стен была увешана не семейными фотопортретами, которые сисадмин мастерила шедеврально, а постерами любимых музыкантов с физиономиями форменной, стоит признать, нечисти. От разномастных дредов Люська была вынуждена избавиться – ей иногда приходилось подключаться к работе «в поле», – но прочим неформальным предпочтениям не изменила. Как-то начальница заинтересованно вставила в ухо второй наушник сисадмина, так чуть не оглохла от дикой какофонии, пролившейся ей в мозг!

– Встречу Нифасе назначили на семь, – расхаживая, рассуждала Евдокия. – А он у нас товарищ упорный, мог дожидаться минут двадцать, а то и полчаса. От «текстильщиков» до дома – пять минут...

– А если Васька попросила его заехать в магазин? – глубокомысленно заметила сисадмин.

– Чепуха. Тогда б у Сашки было алиби. Так что любые задержки вроде «встретил приятеля и поболтал» мы отсекаем. Идем дальше. Василину он обнаружил где-то в 19:40. И то – с натяжкой. Что, Люся, он делал восемнадцать минут?

– Был в шоке. Пытался Ваську оживить. Потом полицию вызывал.

– Согласна. Но как-то не похоже. Еще отмечу: время смерти Василины мы принимаем как совсем-совсем условное. С этим патологоанатом еще будет разбираться. Василину убили кочергой, то есть неподалеку от камина, а на первом этаже пол с подогревом. На нем ли она лежала или упала на диван, мы не знаем, но все равно теплый пол показатели спутает в сторону укорочения. Так?

Сисадмин кивнула. Дуся отхлебнула чаю.

– Люсь, он тебе что-нибудь говорил о встрече в «текстильщиках»?

– Вообще ничего.

– Странно. Ни тебе, ни мне... Нужно будет проглядеть биллинг его сотового, узнать о последних звонках.

Всех, кто на нее работал, Евдокия обеспечивала корпоративными телефонами и оформляла сим-карты на свое имя. Если предстояло какое-то сложное задание, заставляла Нифасю и Людмилу переходить на самые «безмозглые» кнопочные аппараты. Когда-то они с Паршиным серьезно обожглись на «предателях» смартфонах, и теперь Дуся, что называется, на воду дула. Работая на серьезных клиентов, вполне можно нарваться на контригру разрабатываемого объекта, но в кнопочный мобильник троян не получится загнать.

– А если ему на личный номер позвонили? – неловко вставила Людмила.

– На личный? – переспросила Евдокия, подумала и разочарованно надула щеки. – Нормально. – Перевела взгляд на съежившуюся Люсю. – А это, моя нежная подруга, возвращает нас к вопросу: я просила вас не пользоваться другими телефонами?! – Разгневанно нависла над компьютерщицей, словно ворона над галчонком. – Предупреждала, что однажды это может выйти боком?! А?!

– Предупреждала, – понуро согласилась сисадмин.

– Но вы, мои шелковые друзья, думали: начальница – дура ненормальная, контролирует вас! Да?!

– Нет! – Люся виновато выпалила: – На наши номера еще звонят какие-то старые друзья, одноклассники... мы не можем совсем их отключать!

– Конечно. Молодцы. – Закончила на выдохе: – Проехали. Имеем, что имеем. Значит, говоришь, можно предположить, что Нифасе позвонил кто-то *из прошлого*?

– Я об этом ничего не знаю.

– Плохо. С личного телефона Сашки нам абонента не выцепить... Если только Кашина просить. Рассказывай, как вела себя Василина в последнее время. Что-то особенное было? Как-то ее поведение изменилось? Новые люди в окружении мелькали?

Людмила, распахнув глаза, взмолилась:

– Не части, пожалуйста! Новых людей возле нее не было. Что дальше...

– Поведение.

– Да. Было. В последнее время Васька стала как бы... пыталась подружиться со мной.

– Ласковая стала, как я понимаю. Она обращалась к тебе с просьбами?

– Нет.

– А вот это удивительно, – пробормотала Дуся и отвернулась к окну.

Раньше сестра мужа была главной советчицей Василины по всем компьютерным вопросам. Всегда под боком, что немаловажно.

Тут есть над чем помозговать, авось получится нечто важное нащупать.

– Давно не обращалась? – Евдокия обернулась вновь.

– Ну-у-у... месяца два-три.

– Приличный срок. Имеем право заподозрить, что у нее появился человек, способный помочь с телефоном и компом. За три месяца Васька наверняка чего-то где-то накосячила, но к тебе не обратилась. Так?

– Угу. Накосячить она мастерица, – задумчиво подтвердила сисадмин. – И, кстати, как раз три месяца назад стащили фотки Нефедова.

– Вот именно. Думай, Люся, думай! Это может стать отправной точкой всех наших неприятностей!

Евдокия горячилась: время поджимало. Она была уверена, что на половине Люси вот-вот появится следователь Кашин. А к этому моменту нужно раздобыть хоть что-то, способное выдернуть Нифасю из наручников под подписку о невыезде!

Евдокия поглядела на впавшую в задумчивость сотрудницу.

– Ну? – подтолкнула. – Что-нибудь уже всплыло?

– Не-а, – призналась та. – Правда, в последнее время, я уже говорила, Васька изменилась: добрая такая стала, мечтательная...

«Завела роман?» – предположила сыщица. Мечтательность Василины произрастала из телевизионных сериалов, где брутальные мужчины с замашками бандитов спасают милых птишек вроде Васьки. А потому искать в ее окружении появившегося интеллигентного очкарика с дипломом программиста не имеет смысла. Крученный, например, сразил бы Ваську наповал...

Ух! Не думать и не вспоминать о нем! Достаточно того, что портрет вероятного любовника немного вырисовывается!

Вовремя опомнилась. На мониторе, транслирующем изображение с камер наблюдения, появилась процессия: следователь Кашин и сухопарый, скорее всего, оперативник шагали к калитке в штакетнике.

– Готовься, Люся, к нам гости.

Сисадмин подпрыгнула на стуле:

– Что мне им говорить?!

– Правду. Только правду. Иди встречать и успокойся.

– Я почему-то так и думал, что встречу вас здесь, – ворчливо произнес Дусе Кашин, предъявляя удостоверение хозяйке Люсе.

Евдокия развела руками:

– Так ведь замерзла. Чай вот пью.

– В машине не согрелись? – Намекнув, что ничего не упускает, капитан обратился к Люсе, и все пошло своим порядком: анкетные данные, «вопросы здесь задаю я» и «отдайте записи».

О подружках убиенной Людмила мало что могла сказать, но полный список капитану уже представили муж и мама потерпевшей...

Дуся вполуха слушала их беседу, сосредоточившись на собственном разборе полетов. Вздрогнула, когда в кармане зазвенел бубенчиками телефон.

Обнаружив на дисплее имя Георгия Яковлевича Рылевского, обрадовалась – адвокат наконец нашелся! Выскочила в прихожую.

– Дядя Жора, – зашептала в трубку после взаимных приветствий, – у меня сотрудника задержали! Подозревают в убийстве жены!

– Бытовуха? Диктуй адрес, – невнятно попросил Георгий Яковлевич, запропавший, как объяснился, у дантиста. Дуся еле-еле разбирала речь защитника, получившего пару уколов обезболивающего в десну.

Уже сообщая дяде Жоре координаты, она обернулась и наткнулась на взгляд хмурого следователя, вышедшего в прихожую.

– Вот, – сказала, чуть оправдываясь, – адвоката вызываю для Саши. Хотите с ним поговорить? – протянула трубку Кашину.

– Нет.

Евдокия выключила телефон, а капитан поинтересовался:

– И кто у нас защитник?

– Георгий Яковлевич. – Фамилия, как понимала Дуся, в случае с дядей Жорой не требуется.

И угадала. На лице следователя отразилась такая внутренняя мука, что стало его жаль: сыщица Землероева – тот еще подарок в шуршащей упаковке с бантом, а плюсом к ней Рылевский ожидается. Все вкупе легкой жизни совсем не обещает.

– Михаил Андреевич, – обратилась к следователю Дуся, – я снова к вам с прежней просьбой: разрешите мне поговорить со своим подчиненным.

– И как вы себе это представляете? Вы – два подозреваемых. Может быть, еще попросите сообщать вам обо всех следственных мероприятиях? Чтоб вы соломки подстиляли.

– Простите.

– Рад, что до вас дошло.

Появление во дворе Нифаси адвоката Рылевского можно было смело назвать воцарением. На впечатлении нисколько не сказывалось, что маленький и сухонький Георгий Яковлевич напоминал суетливого воробышка, а лицо его перекосила стоматологическая заморозка.

Лихо выпрыгнув из шикарного «ауди» с личным водителем, раскидывая коленками полы дорогущего кашемирового пальто, «воробышек» подскочил к Дусе и резво поинтересовался:

– Обоснования для задержания твоего сотрудника серьезные?

– Не слишком. Нифасю – подставляют.

– Уверена или элементарно защищаешь?

– Дядя Жора... – укоризненно протянула сыщица.

– Вкурил. Криминалисты, вижу, уже отъехали?

Ответить Евдокия не успела, на крыльцо дома вывели бледного Нифасю в наручниках.

Рылевский пробормотал: «Эх, неужели на улице разговаривать придется? Жаль, жаль, не успел, не успел...»

Сделав знак клиентке Землероевой не вмешиваться в его действия, поспешил навстречу капитану Кашину.

Дома Евдокия появилась уже за полночь: заказывала ничем не порадовавший ее биллинг, потом отправилась к немного знакомой подруге Василины, бывшей свидетельницей на ее свадьбе. Надеялась опередить махину следствия!

Когда к шокированной новостью Софии стали прибывать и другие подружки покойной, заказала пиццу, несколько бутылок вина – тормошила девчонок, заставляла их вспоминать каждую мелочь, каждую оговорку Василины!

В результате утвердилась в мысли: у Васьки *кто-то* появился. Причем небедный. Одна из приятельниц поведала: глупышка-Васька просила подтвердить Нифасе, что та помогла достать дорогие сапоги за чистые копейки – подделка, мол, не бренд.

Но такой прокол, впрочем, был единичным. У Евдокии даже предположение мелькнуло, что любовник был не только щедрым и богатым, но и умным. Возможно, Василина похвасталась «как ловко одурачила супруга», и тот ей быстро мозги вправил: нельзя вовлекать в их шалости третьи лица, нельзя светиться!

А посему искать какого-то качка из бывшего, мелкобандитского окружения Нифаси не стоит совершенно точно. Там понты в виде сапог, конечно, кидают, но вот следочков оставляют больше.

Жаль Нифасю.

Может, он потому и смотрел на начальницу волком, что обвинил ее в своей бесконечной занятости? Жена – фантазерка и мечтательница – дома день-деньской одна. А вокруг столько соблазнов...

Черт! Лишь бы дядя Жора не подвел!

А пока надо разрабатывать вероятного любовника. Людмила обещала вытащить все возможное из Сети, прошерстить сайты и форумы, где зарегистрировалась и общалась Василина. (Иногда далекий незнакомый друг узнает из переписки больше, чем лучшая подружка за рюмкой кофе.)

Потом сисадмин установит данные каждого абонента, выходившего на связь с невесткой и братом в ближайшие дни...

Короче, дел у Люси – невпроворот. Но в том и есть ее работа.

Приехав домой, Евдокия наметила на завтра план мероприятий. И долго ворочалась в постели, стараясь понять, кто и почему устроил такой жесткий прессинг сфинксам.

Ночью ей приснился друг Нифася. Смотрел на Евдокию тем, вчерашним взглядом – не обвиняющим, скорее равнодушным. А сыщица пыталась докричаться до него, но слова вязли, застревали в глицериновом воздухе, Нифася исчезал за зыбкой искаженной пеленой...

Кошмар. Евдокия открыла глаза, посмотрела в потолок и поменяла приоритеты – поставила на первое место встречу с Сашкой. Нужно добиваться свидания с ним! Дуся Землероева, конечно, не химик Менделеев, но доверять ночным всплескам подсознания обязан каждый мало-мальский сыщик. Спящий человек не отвлекается на внешние факторы, мозг продолжает работать и из шелухи необязательного выплевывает такие озарения, что не прислушаться к ним – глупо.

Определив задачу, Евдокия отвела взгляд от потолка, поглядела на настенные часы и тихо выругалась: ну и бестолочь! От усталости забыла поставить мобильник на зарядку, и тот ей отомстил за невнимание – не прозвенел будильником.

Обеспечив телефон питанием, промахиваясь мимо тапок, она поскакала умываться. Услышала из ванной комнаты трель домофона и, с зубной щеткой во рту, отправилась к входной двери.

На экране домофона отобразилась Ангелина. Всклоченная, ненакрашенная, но в любимой собольей шубке авто-леди.

«Лучше б она зонт взяла», – машинально подумала Евдокия. Зима, по обещаниям синоптиков, задерживалась, зато дожди льют регулярно – соболья шубка Линки вызвала невольную ассоциацию с вымокшим котенком.

А впрочем, у богатых свои причуды. Нравится носить мокрые меха, пусть в них и ходят.

Евдокия предположила, что Синицына – привычка к новой, мужниной фамилии так и не закрепились – узнала об убийстве Василины, забеспокоилась и приехала оказывать моральную поддержку. Дуся моментально заготовила для любимой подруги вступительную речь: «Не волнуйся, дорогая, все под контролем, адвокат работает...», открыла дверь.

И едва не откусила кончик зубной щетки, когда ворвавшаяся «дорогая» Синицына буквально расплющила ее о стену!

– Ты что творишь, Землероева?! – тирания злобным взглядом, зашипела давняя подруга. Сдернула с шеи шелковый шарфик, и Евдокии показалось – сейчас им и задушит! – Ты что творишь, зараза?!

Дуся булькнула пеной, выплюнула щетку и честно призналась:

– Не поняла. Доброе утро...

О приличиях она напонила впустую. Ангелина поднесла к ее лицу кулак, в котором сжимала шарфик и, упираясь второй рукой о стену за спиной подруги, продолжая терзать ее яростным взглядом, сипло выдавила:

– Если с Сережей... если с моей семьей что-то случится... – Кулак с шарфиком прижался к носу Евдокии. – Убью!

– Что происходит?! Что случилось?! – Сыщица оттолкнулась спиной от стены, рикошетом, получилось, врезала по животу наседающей Синицыной. Догадываясь, что до полноценной драки уже недалеко, схватила Линку за запястье и выкрикнула: – Объясни по-человечески!

– Ах, ты не понимаешь...

Токая мокрыми сапожками по паркету, Синицына вошла в Дусин кабинет, открыла крышку ноутбука и, дожидаясь, пока тот включится в работу, обернулась к застывшей на пороге хозяйке:

– Спишь, значит. Сном младенца...

– Лина, прекрати! Я ничего не понимаю!

Синицына пристально, не меняя настроения, смотрела на подругу в целомудренной пижаме с веселыми утятами. Потом повернулась к ноутбуку и, так и не присев, зацокала маникюром по клавишам.

Добившись некоего результата, повернула монитор к сыщице:

– На. Полюбуйся.

Евдокия вытерла рукавом пижамы пену зубной пасты с губ, подошла к письменному столу...

И вот она-то села. Чуть-чуть не промахнувшись мимо офисного кресла.

Ангелина зашла на сайт популярной электронной газеты, называвшейся попросту «Н-ский сплетник». В раздел бесплатных объявлений. На мониторе ноутбука застыла подборка рабочих фотографий «Сфинкса» с подписями: за кем конкретно следят сыщики, кто эту слежку заказал, когда...

Черт. Небывальщина какая-то!

Протянув онемевшую руку к клавишам, Евдокия принялась спускать изображения дальше. Едва-едва заставила ослепшие от шока глаза сфокусировать зрение.

Но ничего хорошего «внизу» ее не ожидало: кадры менялись, в подписях множились фамилии объектов и заказчиков... От ужаса Дуся окончательно ослепла и с трудом разбирала мелкий шрифт подписей.

Но этого, пожалуй, и не требовалось: кто-то слил в Сеть досье клиентов «Сфинкса».

Нет, не досье. Так называемые фотосессии. Подписи к фотографиям не несли служебной информации, они сделаны уже кем-то другим. Чужаком, раздобывшим эти снимки самым невероятным образом.

Но что самое чудовищное – в конце «объявления» стояло многообещающее обещание продолжить слив и завтра: «Ждите, господа, вторую серию по „Сфинксу“. Там офигеть что будет!»

– Ты понимаешь, что натворила? – шипел над ухом голос Линки. – Мы тебе трех, – подсунула к лицу Евдокии три растопыренных пальца, – клиентов привели... а ты... Знаешь, как нас подставила?! – Синицына прерывисто и судорожно вздохнула, опустила зад на край стола. – Сереже уже звонили.

– Кто? – глухо поинтересовалась Дуся.

– Васильев. Он по нашему совету к тебе обратился. – Линка взвилась со стола, видимо припомнив тот звонок. – Дура ты, Землероева! Не умеешь работать, не берись!! Васильев моего Сережу живьем сожрет! Ой-ей-ей... – внезапно пригорюнилась, – и что же теперь будет...

В кармане Линки запиликал телефон; отвечая на звонок, она подошла к окну и чуть-чуть откинула занавеску.

– Да, Сережа... у нее... Говорит, что ничего не знает. Типа ни при чем. – И шепотом пожаловалась: – А меня тут уже сфотографировали. Скоро перед ее подъездом все местные журналюги соберутся... Да-да, конечно, выезжаю... Не забудь крем для загара в мою сумку положить! И детский зонт...

Закончив разговор, Ангелина развернулась к уничтоженной подруге и выдавила:

– Лучше б ты сюда не приезжала.

Евдокия прочитала за этими словами: «Лучше бы тебя в Москве прихлопнули».

Уже из прихожей Синицына выкрикнула:

– Меня не ищи! Я улетаю! Вместе с сыном! – и хлопнула дверь.

Просидев несколько минут в ступоре, Дуся кое-как заставила себя подняться и закрыть входную дверь на щеколду. Потом помыла лицо – щека, по которой размазалась зубная паста, начинала зудеть.

Так и не сняв веселую пижаму, она вернулась в кабинет и через сделанную Ангелиной щелку выглянула на улицу: акулы пера и фотоаппарата, как и сказала Линка, уже собирались. Несколько папарацци с фотокамерами наготове стояли у подъезда.

«Наверное, – печально предположила сыщица, – возле офиса „Сфинкса“ примерно то же самое. Обкладывают. Скоро обглодают. Акулы, мать их...»

Дуся села за стол к ноутбуку, подтянула к себе блокнот и, сверяясь с «Н-ским сплетником», принялась выписывать имена-фамилии и даты на снимках.

Руки тряслись, голова соображала плохо, в ушах продолжали грохотать упреки лучшей подруги: «Не умеешь, не берись!! Лучше б ты сюда не приезжала!..» Когда в блокноте появился список из четырех клиентов, Евдокию затошнило. Хотя, признаться, в первый момент она предположила, что их будет больше. Но дело было не в количестве: из «Н-ского сплетника» ударили по наиболее значительным клиентам «Сфинкса». Васильева привел Сережа, двое залетели к Дусе с подачи Кости Семинариста, четвертый, правда, несколько выпадал из списка: пришел по объявлению, его имя пришибленная Евдокия даже вспомнила с трудом.

Но за глаза хватало и троих. Васильев – заносчивый мануфактурщик, работает на оборонку, шьет штаны для армии. Зимин и Коваль пришли от Семинариста. Первый появился где-то пять месяцев назад, заказал тривиальную проверку потенциального зятя-мажора. По слухам, Зимин тип крутой и своенравный (хотя со сфинксами общался вежливо).

О Ковале лучше вообще не вспоминать на сон грядущий: н-ский аналог московского Саши Миронова. Но если Мирон сейчас имеет относительно законный бизнес и грехи замаливает, то Коваль еще и не приступал на церкви жаловать.

Если б Евдокия предварительно узнала, за какого клиента хлопочет Костя, то даже говорить с тем не стала!

Но поверила Семинаристу, взяла аванс, а когда Люся пробила дяденьку по базам... «Сфинкс» побледнел всем дружным коллективом. Нифася даже отказался привлекать кого-то со стороны для слежки, сказал: «Сами справимся. Втроем. Если что-то протечет, копец всем, братцы».

Как оказалось нынче утром, накаркал Сашка. Протекло!

Коваль заказал «приделать ноги» за партнером по бизнесу Игнатовым. И было ясно, почему этого не могла сделать его служба безопасности: Коваль и Игнатов – совладельцы.

Сфинксы отследили Игнатова на встрече с конкурентом Абрамяном. Предъявили заказчику доказательства в виде отчета и фотографий. Тот сделал страшное лицо и приказал:

– Помалкивайте.

После чего, не попрощавшись, удалился.

А Евдокия и Нифася, проследив торжественный отъезд его кортежа из двух черных автомобилей – седана «Ровера» и внедорожника ничуть не проще, – не сговариваясь, потопали к серванту, где держали фешенебельный коньяк для дорогих клиентов. Понятливая Люся метнулась за закуской.

К вечеру всем дружным коллективом сфинксы накидались в хлам.

Немного отпустило. Вроде бы.

А позже Дуся очень удивилась, узнав, что Коваль и Игнатов продолжают работать вместе. Но вот их конкурент Абрамян планомерно и неуклонно разоряется, финансовые проблемы, по слухам, появились.

Ума большого не потребовалось, чтобы понять весь подковерный замысел клиента: Коваль использовал информацию от «Сфинкса», убедился в нечистоплотности партнера и прогнал через него дезу. Чуть позже, с удовольствием и чувством справедливого возмездия, он, судя по всему, финансово обескровил Абрамяна и разваливает конкурирующее предприятие.

Вероятно, скоро купит его с потрохами. Дешево и сердито.

А двурушника Игнатова – пинком под зад. Наверное, для этого уже готовы все документы, и фотографии от сфинксов придутся очень кстати.

Припомнив подоплеку этого заказа, сыщица отправила внутрь себя саркастический вопрос: «И чего ж тебе, такой умной, в бухгалтерии-то не сиделось, а? Как мама и советовала». Сводила бы сейчас дебет с кредитом, а не тряслась за друга и не вытаскивала его из СИЗО. Спала б спокойно, без глицириновых кошмаров...

Из спальни, где остался на зарядке телефон, раздался перезвон бубенчиков, и Евдокия вздрогнула: кто?! Кто ждет ее ответа?! Если миролюбивая Синицына едва не задушила шарфом, то...

На экране звящего мобильника стояло имя «Митрохин». Увидев его, Евдокия захотела потихонечку скончаться. Самостоятельно и безболезненно. Костя Семинарист держит в руках весь (криминальный) бизнес речного порта, вхож во все круги и сферы Н-ска. С врагами долго не миндальничает и с конкурентами не церемонится.

«Господи, Семинаристу-то кто уже позвонил и предъявил претензии?! – перепугалась сыщица. – Зимин или, не дай бог, Коваль?!»

Но поскольку избежать разговора все равно не получится, лучше ответить сразу. Дуся взяла телефон трясущимися пальцами, прокашлялась и деловито прочитала:

– Да, Костя, здравствуй, слушаю.

– Нам надо встретиться.

Митрохин, как и Ангелина, поздороваться забыл.

Паршивый признак.

– Я понимаю, – вяло согласилась Евдокия.

Она, признаться, ожидала, что портовый воротила будет вести себя, как впадшая в неадекватность Линка. Начнет орать и жаждать ее крови, но Константин сказал вполне миролюбиво:

– Вместе нам лучше не светиться, понимаешь?

– Да.

– Из дома сможешь незаметно выехать? Говорят, у тебя там столпотворение, «Сплетник» скоро онлайн-трансляцию от твоего дома запустит.

– Все очень-очень плохо?

Митрохин не ответил.

– Машину за тобой прислать? – спросил.

– Да. С номерами, которые к тебе привязать не получится. – В таком состоянии она доедет до первого столба или журналиста, который бросится фотографировать ее машину.

Семинарист хмыкнул, мол, кого ты, детка, учишь. Обговорив нюансы, отключился.

А помертвевшая Евдокия отправилась наводить марафет. С недавних пор у нее образовалась привычка-примета: отправляясь на опасные мероприятия приводить себя в порядок и надевать лучшее нижнее белье. Чтобы сотрудникам морга было приятно с ней работать.

Митрохину Дуся, конечно, верила: они уже выпутывались сообща из глубочайшего дерьма. Но все же, все же... своя шкура всегда дороже, Семинарист товарищ сложный, многоуровневый.

Затошнило Евдокию еще дома. Когда водитель присланной Митрохиным невзрачной, но шустрой машинки запетлял по переулкам, отрываясь от пары неплохих «акульих» автомобилей, едва не вырвало.

Немного отдышалась сыщица уже в промзоне, где шофер проверился, поплутав возле пустых ангаров.

Лишь убедившись, что все чисто, он повез пассажирку к солидному особняку на окраине города.

По гудку клаксона перед машиной разъехались ворота. Чувствуя себя изломанной марионеткой в шикарных шмотках, принаряженная для морга, Землероева выкарабкалась из салона. Кивнула вышедшему на крыльцо Семинаристу.

Костя, надо отметить, выступал в унисон с расфуфыренной гостьей, но превосходный костюм, белая рубашка и начищенные ботинки – его обычная униформа. Следуя правилам гостеприимства, красивое породистое лицо Семинариста (племянника всамделишного попа, кстати) выражало дружелюбие и незлобивость.

Но, впрочем, все это способно сбить с толку только восьмиклассницу. Или готовую обманываться заневестившуюся девку. (Евдокию крайне удивляло, что осанистый, но возрастной Семинарист остается беспросветно холост. Хотя недавно появилось подозрение: не холост, а умен. Совсем не исключено, что где-то Костя прячет пятерых детей и прелестную жену-домохозяйку.)

Сыщица поднялась по невысокому крыльцу. Галантерейный портовик пожал ее протянутые ледяные пальцы и пригласил в дом. Где Евдокия, оглядевшись, поняла: Семинарист здесь вовсе не хозяин. В нехило упакованной гостиней не нашлось ни единой фотографии или какой-то личной вещи. Огромное помещение с камином и прочими ценными прибабасами напоминало холл пятизвездочного отеля. С парой пышных пальм по кадрам и барным уголкам, производящим впечатление ресепшен.

Евдокия скинула пальто и устроилась в предложенное Семинаристом кожаное кресло. Тянуть kota за хвост не стала, спросила прямо в аккуратный лоб портовика:

– Все очень-очень плохо, Костя?

Повторный вопрос выжал из Митрохина унылое признание:

– Лучше бы ты заложила бомбу под Законодательное собрание.

Стоит признаться, что если бы Семинарист ответил так сразу, еще когда Евдокия была дома, то, не исключено, она предложила бы беседовать по телефону. Смотреть на хмурого Митрохина оказалось невозможно тяжело и стыдно.

– Прости, Костя. Я тебя сильно подставила. На тебя уже пошли наезды?

– Ты знаешь... – Митрохин откинулся на спинку кресла-двойника, сцепил в замок длинные изящные пальцы и покачал головой: – Удивительно, но нет. Весь город, говорят, постепенно встает на уши, все ждут обещанного продолжения... Ты, кстати, кого еще собираешься сливать? К тебе такие люди шли, а ты почему-то начала с этих четверых.

– С ума сошел?! Издеваешься, да?! – перенервничавшая Евдокия взвилась из кресла. – Да как только я начала разбираться, кто это залез в мой огород, у меня сотрудника «закрыли»! Жену его убили!

– Слышал. – Семинарист кивнул, и его длинная коричневая челка закрыла один глаз. – Угомонись. Я ж на тебя не наезжаю.

«Пока», – внесла поправку Евдокия и, не ерничая, поклонилась:

– Спасибо.

Митрохин, поправляя волосы отработанным небрежным жестом, все-таки досадливо поморщился.

Дуся вернула зад в кресло и пожаловалась, помня о «пока»:

– Все началось еще неделю назад, Костя, когда у меня первого клиента засветили...

– Кого это? – заинтересованно перебил Семинарист и немного подался вперед.

– Не важно. Профессиональная тайна. Но кошмарить меня начали еще семь дней назад. Причем жестоко, насмерть. Вчера убили Василину.

Портовик скривил лицо, бросил задумчивый взгляд на мокрые ветви каких-то высокорослых кустов за окном.

– Жестоко, – согласился. – И, говоришь, свою контору ты начала шерстить еще семь дней назад?

– Да. Всесторонне.

– И результат какой-то есть?

– Нет. Ноль. Правда, появились наметки, что у покойной Василины был любовник, а все слитые фото она запросто могла стащить у мужа.

– Любовника определили?

– Нет, конечно. Он только-только высветился. Поможешь в его розысках? Мой сотрудник в СИЗО, мне одной не справиться.

– Не вопрос. Сколько человек нужно?

– Обговорим. Мне, прежде всего, кровь из носу, нужно встретиться с Нифасей! Следак уперся, Муромец не особенно хочет поигрывать авторитетом...

– Может быть, к Антону обратишься?

И этот туда же!

– Ты мне отказываешь?

– Не закусывай удила.

Благообразный племянник священника попросил мягко, дружелюбно, но Дуся напряглась. Ей показалось, что и этот друг не хочет, чтоб за спиной замаранной сыщицы мелькали его уши.

– Антону вопрос с СИЗО решить проще, – объяснил Митрохин. – Или у вас, – он поднял руку вверх и пощекотал воздух пальцами, – какие-то тёрки-непонятки...

– У нас, Костя, – ничего.

– Конечно.

Бог мой, неужели весь город знает, что Крученный недавно ночевал у Евдокии?!

Вскипеть сыщица не успела, на столе перед Семинаристом завибрировал и засветился телефон. Портовик нахмурился, прочитав имя абонента. Ответил ему только «да» и, слушая, надолго замолчал.

А Евдокию снова затошнило: черты аристократичного лица Семинариста оплывали прямо на глазах. Взгляд уперся в одну точку на столе, а губы, фиксируя нижнюю челюсть, сжались в ниточку...

«Какой-то попадос», – догадалась Евдокия и машинально поискала глазами свою сумочку с пистолетом и разрешением на оный.

Страшно отчего-то стало. Какое известие могло заставить бывшего Семинариста так *поплыть*?! Его драгоценный порт горит или убили кого-то еще вдобавок к Василине?!

Интуиция не подвела. Криминальный воротила закончил разговор не попрощавшись; перевел взгляд на стену, мимо Евдокии, и прошептал:

– Ну вот и все, подруга. Ковалья грохнули.

– Его?! Уже?! – Известие подбросило сыщицу вверх.

Костя слепо на нее поглядел и мотнул подбородком.

– Сам в шоке. Сколько у нас часов прошло?.. – Задумался. – Инфа в «Сплетнике» появилась где-то в семь утра. А тут уже... Первый? Так, что ли?

Подскочившая Евдокия закрутилась вокруг кресел. Испуганно воскликнула:

– Не каркай, я тебя умоляю! И не первый он, вначале была Василина!

– Ну да, ну да, конечно... Лучше б ты и в самом деле взорвала Собрание...

Евдокия застонала и прикусила нижнюю губу. Семинарист продолжил:

– Как странно-то все, а. Неужто это Абрамян?.. Не ожидал, не ожидал... такой приличный господин, к одной маникюрше, кстати, ходим... Вот если бы наоборот-о-от, если бы Коваль Абрамяна завалил...

Дуся замерла напротив неторопливо рассуждающего Семинариста и вмешалась в его мыслительный процесс:

– Постой, Костя. Представь, пожалуйста, что на меня наехали как раз для того, чтобы обосновать убийство Ковалю. Возможно такое? А? Все подозрения сойдутся на Абрамяне или на совладельце Игнатове...

Портовик сфокусировал взгляд на сыщице. Пробормотал:

– «И увь! мудрый умирает наравне с глупым»... – Заметив, как приятельница отшатнулась, уточнил: – Цитата из Екклесиаста. Так говоришь, на тебя наехали, чтобы замаскировать убийство Ковалю?

– Да! Сама-то я кому на фиг сдалась!

– Ну это спорный вопрос... А в остальном – не лишено, не лишено... Весь город знает, что Абрамян недавно вложил в какую-то пустышку. По-крупному, денег везде назанимал. А когда прогорел, то обвинил во всем Ковалю... – Портовик запнулся и заинтересованно прищурился на сыщицу. – Давай-ка, Дуся, пройдемся по датам и конкретике.

Евдокия вызубрила хронологию событий еще дома. Сейчас восстановила ее для Семиниста, и тот засомневался, забросал вопросами:

– Первые фото для Зимина, слитые сегодня, примерно пятимесячной давности? А Ковалю тогда рядом с тобой и близко не было?.. И получается... дело как бы и не в Ковале?

– Похоже. Согласись, все выглядит очень странно, навыворот – телега впереди лошади.

– Ну да, ну да... Зимин просил вас что-то серьезное расследовать?

– Нет! Классика жанра, мы устанавливали подноготную мужа его дочери Катерины, «приделывали ноги». Зимин, кстати, остался доволен, даже премию нам выдал. Хотя... премию-то я помню, а вот что...

Подумав секунду, сыщица подняла вверх указательный палец, делая знак немного обождать, взяла со столика свой телефон и набрала вызов сисадмина.

Которая отозвалась мгновенно и традиционно для нынешнего утра забыла поздороваться. Выдохнула в трубку:

– Ну наконец-то! Слава богу!

– Уже все знаешь, – безрадостно определилась Евдокия и, не откладывая в долгий ящик, задала вопрос: – Какие-то мысли по твоему профилю есть?

– По моему профилю, по моему профилю... – сбившись, забормотала Люся. – Да! Есть! Первую «фотосессию», для Зимина, я обрабатывала, три остальные – кто-то другой!

– Уверена?

– Я что, свою работу не узнаю? – слегка обиделась компьютерная дока. – Там обычный фотошоп, а первую «сессию» я...

– Понятно, – перебила начальница. – Вспомни, пожалуйста, подробности этого дела. Зятя Зимина мы взяли в разработку в конце мая, так? Отработали его недели за две, и я в отпуск укатила. Попросила Нифасю встретиться с клиентом после того, как ты снимки подготовишь. Не помнишь, когда Зимин за результатом приходил? Он мне деньги на карточку перевел, и я с ним больше не встречалась.

– Да-да. Я Зимину тогда, помнится, фотки просто на адрес скинула. Он первую половину лета в Испании провел, кажется, у него там вилла...

– Не отвлекайся, – перебила Евдокия. – Когда он забрал у нас карту памяти фотоаппарата?

– Когда?.. В середине июля. За пару дней до того, как ты из отпуска вернулась.

– И где та карта памяти хранилась?

– Сначала, пока я над фотками работала, у меня дома. Ты же не торопила, а заказчик не потребовал отдать все срочно, ему хватило отправленной на адрес информации. Потом... я отдала карту Нифасе, и он запер ее в сейфе, в офисе. Кажется.

– Надеюсь, все так и было. Спасибо, Люся. К тебе журналисты уже наведывались?

– Нет. Но возле дома Сашки кто-то трется, – вздохнула.

– Не удивлена. Будь на созвоне. – Окончив разговор, Евдокия хмуро поглядела на Семинариста. – Немного легче. Я, признаться, переживала, что наезд на «Сфинкса» начали готовить еще полгода назад, в мае.

Митрохин кивнул и потянулся к своему телефону:

– Давай-ка я Дмитрию Сергеевичу позвоню. Поинтересуюсь, где он сам держит карту памяти. Вдруг у него стащили? Позже.

«Звони, звони, – печально согласилась сыщица. – На тебя-то Зимин точно орать не будет и в гроб не пообещает положить».

Константин пристроил телефон на столике между ними, поставил его на громкую связь. Дозвонившись, немного времени потратил на взаимные реверансы и танцы с веерами и лишь потом задал вопрос:

– Дим, ты последние новости от «Сплетника» знаешь?

– Ну, – добродушно хмыкнул Зимин. – Весь в нетерпении, жду звонка от дочери.

– Чего-то больно ты спокоен.

– А что мне нервничать? Мои мотивы – чище некуда! О том, за кого дочь замуж отдаю, я должен был узнать. Узнал – помалкивал, в жизнь молодых не лез. Надеюсь, Катька сама разберется.

– Похвальное хладнокровие.

– Трезвомыслие! – довольно вынес клиент сфинксов, чей зять оказался заядлым картежником и любителем легкой «дури». – Я знал, что Каткин идиот сам рано или поздно попадется, придерживал фотки.

– И где держал?

– А в сейфе на работе. Подожди-подожди... ты думаешь, эти фотки у меня стащили?! – Бестолковых друзей у Семинариста не было.

– Да есть такая мысль. У тебя сейф *хороший*?

– Ну сейф-то у меня отличный... но вот что вспомнилось после твоего вопроса: первое время я карту памяти в портмоне таскал. Все думал – показать Катке или нет?

– «Сфинксу» предъявлять будешь?

– За что? – неприятно изумился Дмитрий Сергеевич. – Они с меня такой головняк сняли! Дочка теперь знает, что папа – молоток. Фотки придержал, ей доверял – сама большая, разберется. Увидишь Евдокию, спасибо ей скажи: наш придурок засветился, а я вроде бы и ни при чем.

– Тебе спасибо, Дима. До встречи.

Семинарист выключил телефон, исподлюбья поглядел на Евдокию.

– Молодец, что догадалась даты уточнить.

Евдокия повела плечом:

– Ничего сложного. «Фотосессия» для Зимина выбивалась из общего ряда по многим показателям: давность, качество и незначительность. Фото, вероятно, слили для общего количества и раздобыли их просто – снимки, пока Зимин в Испании загорал, почти полтора месяца пылились непонятно где, а обычно мы информацию сразу же уничтожаем. В то время, кстати, у Василины как раз появился любовник, который, почти наверняка, обладает нужными навыками. Так что теперь, Костя, все прочно сходится на мужике, который использовал Василину, а после ее грохнул. Надо искать этого урода.

– Н-да, – подумав, крикнул портовик. – Прав был Иван Иванович Воропаев, когда Антоху за тебя сватал: рожать детей нужно от умных женщин. Бросишь Крученого, рассмотри мою кандидатуру. – Поглядел на растерявшуюся сыщицу и фыркнул: – Забудь! Крученый мне чего-нибудь из жизненно важного открутит.

– Костя, да вы достали меня все! – вспыхнула Евдокия. – Нет между нами ничего! – Собралась вскочить с кресла, но, заметив, что Семинарист смотрит на нее с пытливым при-

щуром, опомнилась и сиплым шепотом поинтересовалась: – Не поняла... ты хочешь сказать, Антон мне в этом городе кислород перекрыл? Так, что ли?!

– А к тебе здесь кто-нибудь подкатывает? – Митрохин откинулся на спинку и изобразил удивление.

Дуся честно задумалась. Заядлой затворницей она здесь не была, похаживала в рестораны-клубы, где ее пытались клеить вполне приличные ребята.

Но они быстро испарялись. Буквально через пару дней.

– Намекаешь... валить мне отсюда надо, Костя?

– Упаси бог, Евдокия, тебе где-нибудь сказать, Семинарист советовал свалить из Н-ска! Антон мне друг, конечно, но ты так больше не шути. Не дразни судьбу. Давай-ка лучше вернемся к нашим баранам.

Евдокия мысленно поблагодарила портовика за сделанный намек. Своевременный и смелый, Дуся это понимала. Если Крученный «возьмет город», ей тут и впрямь делать нечего: захотят ударить по нему, разбираться в их запутанном романе не будут. Опасно здесь становится.

Так что спасибо Косте. Настоящий друг.

– Хочешь, позвоню Васильеву? – тем временем предлагал портовик. – Мы с ним на короткой ноге.

– А с кем ты на длинной, – вздохнула сыщица, еще погруженная в свои проблемы. – Васильев уже Сереже, мужу Линки звонил. Как поняла, на взводе.

– Разрулим. Намекнем, что фотки могли спереть и у заказчиков... Мол, Дима Зимин этого не исключает.

– Как же, намекнешь ему, – буркнула Дуся. – Но за поддержку спасибо. И думаю, мне нужно прежде поговорить со следователем. Не тревожить лишний раз нашего мануфактурщика, он мужик горячий.

– Кстати о горячем. Пообедаешь со мной? Ребята уже шашлычок варганят.

– Кусок в горло не лезет, прости.

– Есть надо, Дуся. У меня – голодного – башка совсем не варит. И еще о кстати: ты можешь оставаться в этом доме, сколько захочешь. Я его для приезжих партнеров снимаю, о нем никто не знает, так как партнеры у меня бывают *всякие*.

Евдокия помотала головой:

– Нет, Костя, я прятаться не буду. Только хуже будет, да и бесполезно, не получится. Для прятков нужно вырубить телефон, а оставаться без связи я не могу, сейчас, например, жду звонка от адвоката.

– Хочешь, я найду какую-нибудь похожую на тебя девочку, ты отдашь ей свои шмотки, и она уведет журналистов от твоего дома? К гостинице или куда-то еще.

– А смысл? – печально усмехнулась Евдокия.

– Слегка рассредоточим журналистов между твоим домом, офисом и гостиницей.

– Все точно не уйдут.

– Зато пообедать успеешь. По коньячку?

Евдокия давно знала: как только Семинарист начинает настойчиво поить-кормить гостей, то лучше не отказываться. Обычно, отвлекаясь на кормежку, он попросту берет паузу для размышления, а позже обязательно выдает какой-то результат.

– И шашлычок советую, подруга. Ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Согласна?

– Местами. Наливай. Только по маленькой.

Привез Костя личного повара в пустующий дом или кто-то из его охранников оказался большим специалистом барбекю, в любом случае шашлык из баранины получился фантастическим. Семинарист и сыщица сидели на застекленной теплой веранде с видом на промокший

сад. Костя, как и предполагалось, тоннами выдавал на гора версии. Шибко беспокоился за порт: Коваль плотно там работал, и застрелили бедолагу, кстати, на выходе из офиса речников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.